

ОЛЬШАНСКИЙ И. Г.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

При всей лингвистической неопределенности слово и предложение являются центральными понятиями языка и основными его единицами, обеспечивающими отражательную, номинативно-классификационную и коммуникативную деятельность. Эти категории исторически изменчивы и во всякой живой языковой системе соотносительны и дифференциальны [1, с. 12]. Некоторые аспекты семантического и функционального взаимодействия этих единиц, а также пути их исследования в лингвистике составляют предмет рассмотрения в данной статье.

Анализ взаимоотношений между словом и предложением важен не только для грамматики. Он необходим также и для решения актуальных вопросов лексикологии, разработки теории номинации, синтаксической семантики, теоретической и практической лексикографии.

Корреляция слова и предложения — один из лингвистически существенных факторов, определяющих типологическую классификацию языков [2]. Именно в слове и в предложении воплощаются основные компоненты нашего мышления [3].

Функционально-семантические корреляции слова и предложения-высказывания определяются четырьмя факторами. Этими координатами являются: компоненты семиозиса, совокупность основных функций языка, специфика языкового знака, уровни лингвистического анализа. Попробуем на этой основе установить характерные черты сходства и различия в семантике двух основных единиц языка.

Факторы семиотической ситуации (познающий субъект, язык, мышление, объективный мир) определяют аспекты языкового знака: а) материальную сторону (его звучание, написание), в) объект (референт, денотат), с) мыслительный образ, отражение объекта в сознании. Каждый знак соотносится с другими знаками языковой системы (структурно-функциональный аспект).

В соответствии с различными аспектами знака можно выделить три направления в изучении лексического значения. 1) При узко денотативном подходе к семантике сторонники реляционной теории языка исходят из того, что «значений как особых сущностей не существует. Объектами, представляющими смысловую сторону языка, могут быть (и обычно являются) денотаты» [4]. Ориентация плана содержания исключительно на внелингвистические факторы приводит к тому, что значение выносится за пределы языка, объективность существования слова подвергается сомнению, а лексика рассматривается как «неформализуемый остаток», как «привесок» к грамматике. 2) Сторонники сигнификативной (логической) концепции семантики приравнивают значение слова к понятию, которое закреплено в слове. Вместо «лексического значения» предлагается термин «лексическое понятие» [5]. Это обозначение относится скорее к метаязыку науки. Сводя лексическое значение к понятию, мы невольно отождествляем язык и мышление, отрицаем национально-историческую специфику естественного языка. 3) Представители функционально-структурного подхода к языку, характерного для Пражской школы, уделяют основное внимание плану выражения и технике соединения единиц, категориальному (грамматическому) значению классов слов. Лексическое значение понимается в рамках этого направления лишь как функция коммуникативного значения слова [6, с. 400]. Как известно, абсолютизация

одного из аспектов словесного знака (или какой-либо одной функции языка) тормозит развитие семантических исследований [7].

В советской лингвистике последних десятилетий утвердилось комплексное, системно-функциональное понимание лексического значения, основанное на изучении парадигматических отношений и синтагматических связей слов. Комплексный подход к семантике слова находит подтверждение в современной теории текста и коммуникативной лингвистике, в которых особую актуальность приобретают коммуникативно-прагматические аспекты лексической семантики.

По аналогии с различными подходами к значению слова выделяются следующие направления, изучающие семантику предложения.

1) Широко известна денотативная (референтная) концепция значения предложения, определяющая отношения между высказыванием и обозначаемой им ситуацией (В. Г. Гак, В. С. Храковский). Элементы ситуации соответствуют членам предложения — предикату и актантам, коррелирующим с ролевыми функциями «участников» события. При этом в соответствии с компонентами семиозиса ситуация трактуется по-разному: как экстралингвистическая, как семантическая (языковая) или же как психическая.

2) В логико-семантической теории значение предложения исследуется во взаимодействии с теорией референции, с отношениями экзистенции и идентификации [8]. В рамках этой теории выявлены закономерности формирования семантической структуры предложения, показана зависимость семантики слова от его коммуникативной функции. Ключевым понятием является понятие пропозиции, которую Н. Д. Арутюнова определяет как семантическую структуру предложения, объединяющую его денотативное и сигнификативное значения, причем последнему принадлежит центральная позиция [8, с. 37].

3) Функционально-грамматические теории предложения ставят своей целью выявить соотношенность в предложении его структурно-грамматических и семантических признаков. Г. А. Золотова выделяет типовые значения моделей предложения («предмет и его качество», «субъект и его действие/состояние» и т.п.) [9]. Н. Ю. Шведова объясняет семантику формально-синтаксических моделей предложения через взаимодействие категориального и конкретного значений и определяет семантическую структуру предложения как закрепленное в языковой системе соотношение типизированных элементов смысла [10].

Еще одним базовым понятием, которое выводится из структуры семиотической ситуации и отражает полифункциональность языка, является совокупность языковых функций. В этот набор входят: коммуникативная, номинативная, когнитивная (познавательно-обобщающая) и прагматическая функции. В слове и предложении эти функции преломляются по-разному. Перераспределение языковых функций в слове и предложении можно представить следующим образом (знаки +/— символизируют наличие / отсутствие, ++ особую активность данной функции): коммуникативная: (С) +/—; (П) ++; номинативная: (С) ++; (П) +; когнитивная: (С) +; (П) +/—; прагматическая: (С) +/—; (П) ++.

Данная схема помогает прояснить соотношение семантики знаков языка и знаков речи. А. А. Уфимцева считает, что означаемые номинативных и предикативных знаков различаются не столько по объему, сколько по содержанию и асимметричной конфигурации семных составов [11]. В слове и предложении совпадают в большой мере функция наименования и денотативная отнесенность, т. е. указание на предмет, ситуацию, событие. Основу семантики предложения составляют коммуникативно-прагматические компоненты: речевое намерение, модальность высказывания, соотношенность сообщения с моментом речевого акта, пресуппозиция.

Нельзя не отметить различную степень изученности отдельных аспектов значения слова и предложения, а также ориентацию этих единиц на те или иные языковые функции. Как полагает Н. Д. Арутюнова, самым большим местом семантических теорий предложения является проблема денотации (референции), т. к. референтом предложения считают

мир, факт, событие, психическую ситуацию, истинностное значение [8, с. 36]. Камнем преткновения в лексической семантике является с и г н и ф и к а т слова, отражение в нем результатов познавательно-обобщающей деятельности. Значения многих слов постоянно углубляются и обогащаются новыми понятийными признаками (например, по данным современных словарей, в значение слова *самолет* включен новый содержательный признак «наличие турбовинтового или реактивного двигателя»). Содержательная характеристика одного и того же слова (при практически одинаковом объеме понятия) оказывается различной у взрослых и детей, специалистов и дилетантов, у носителей литературной нормы и диалекта. Становится актуальным вопрос о «социально обусловленной поливариантности» слова и его значения.

С различными функциями языка коррелируют обобщенные логико-грамматические категории, выделяемые в семантике предложения: отношения экзистенции, отношения идентификации (тождества), отношения номинации и отношения характеристики (предикации в узком смысле) [8, с. 18]. Функциональную ориентацию обнаруживает семиологическая классификация слов, включающая характеризующие (называющие) знаки, индивидуализирующие знаки (имена собственные), квантитативные и дейктические знаки [12]. Количественно и качественно преобладают в языке характеризующие классы слов и предложения характеристики.

Следующим фактором, воздействующим на семантику слова и предложения, является закон асимметричного дуализма языкового знака, констатирующий отсутствие взаимно-однозначного соответствия между означающим и означаемым. Различаются три вида асимметрии знака: 1) парадигматическая (полисемия, синонимия), 2) синтагматическая (во фразеологии); 3) семиотическая (лексические и грамматические лакуны в одном языке по сравнению с другим) [13]. Все три вида асимметрии проявляются и на уровне предложения. Так, высказывания могут быть многозначными (предложение *Этот человек интересен всем* двузначно) и синонимичными (*Он зашел — Он начал/стал петь; Его знобит — У него озноб*); могут включать фразеологизмы, аналитические конструкции (*Он оказал ей помощь = помог*); содержать слова и словоформы, которым нет соответствий в других языках (*er ist gekommen* «он пришел», *willkommen!* «добро пожаловать», *seine scharfe Art erregt bei vielen Anstoß* «его резкость многих шокирует»).

Но и здесь сказывается принадлежность сравниваемых единиц к разным уровням. «Асимметрия языкового знака, столь ярко проявляющаяся на уровне слова и грамматических категорий частей речи, чрезвычайно возрастает на уровне словосочетания и еще более на уровне предложения» [14, с. 13]. По мнению О. И. Москальской, асимметрия на синтаксическом уровне выражается в отсутствии взаимно-однозначных соответствий между разными видами синтаксических значений; в совмещении в одной синтаксической форме комбинаторных операций одного или разных уровней; в совместном участии нескольких языковых средств в одной комбинаторной операции [14, с. 13—14].

Опираясь на положение об асимметричном дуализме знака, одни лингвисты постулируют автономность синтаксической и семантической структур предложения, другие же заняты поиском взаимообусловленных связей между обоими уровнями [15, с. 50]. Считая более плодотворным второе направление, Г. А. Золотова при анализе русского синтаксиса исходит из того, что «основные модели предложений отличаются простейшей организацией, т. е. симметрией в синтаксическом, морфологическом и семантическом строении, а также экспрессивной нейтральностью» [15, с. 58]. Модификации и варьирование структурных схем предложения, таящие в себе большие экспрессивные возможности языковых единиц и синтаксических структур, приводят к «рецидиву» асимметрии. Если же сравнивать «вход» и «выход» коммуникации, т. е. интенцию и коммуникативный эффект, то здесь следует констатировать наличие соответствия между обоими планами. Механизм снятия асимметрии в высказывании и тексте требует специального исследования.

Тезис об асимметрии сторон знака имеет ряд следствий, объясняющих специфику слова и предложения и уточняющих их языковой статус (относительность языкового значения, понятие формально-семантического инварианта, категория эксплицитности/имплицитности, понятие лексико-семантической микросистемы и др. — подробнее об этом [16]).

Важным фактором, определяющим семантику слова и предложения, являются уровни лингвистического анализа [17]. Вопреки точке зрения Э. Бенвениста, считавшего предложение высшим уровнем, «венцом» языка, уровневая концепция была расширена за счет включения в нее текста как уровня речи, интегрирующего предложения и сверхфразовые единства.

Анализ языковой системы может осуществляться в двух направлениях: «снизу» (от различительных признаков фонем через фонему и слово к предложению и тексту) и «сверху» (от текста и предложения к слову и ниже). Его эффективность обеспечивается синтезом «восходящих» и «нисходящих» операций [18]. Утверждается, что разложение языковых единиц дает нам их формальное строение; интеграция же дает значимые единицы. Двунправленный анализ приводит к выявлению либо формы, либо значения в одних и тех же языковых единицах [17, с. 136].

Следует постоянно учитывать, что одна и та же языковая единица подчиняется в системе языка и речи разным закономерностям. Если в системе преобладают оппозитивные и иерархические отношения единиц и уровней, то в речи действуют вероятностно-статистические закономерности, которые могут проявляться в относительном функциональном равноправии единиц разных уровней.

Наличие формы и содержания у языковых единиц определило два подхода к изучению слова и предложения. Традиционные области лексикологии — семасиология (движение от формы к значению) и ономасиология (от понятия, значения к языковой форме) — пересекаются со словоцентрической и текстоцентрической концепциями [19].

Сочетание двух линий исследования определило структуру грамматической теории языка О. Есперсена, в которой морфология по направлению анализа соответствует семасиологии, а синтаксис — ономасиологии [20]. В последнее десятилетие «лексическая» ономасиология, усиленная за счет функциональных аспектов синтаксиса и словообразования, трансформировалась в современную теорию языковой номинации. Эффективность синтеза обоих подходов к изучению языковых фактов подтверждается целым рядом исследований, в которых слово и предложение рассматриваются в единстве их форм и функций [21, 22].

Поскольку слово и предложение образуют разные (соседние в иерархии) уровни, отношения между ними определяются как интегративные. При этом взаимодействуют и форма, и значение обеих единиц. У слов, включенных в предложение, как правило, наблюдается «приращение смысла».

Значение слова и семантика (смысл) предложения различаются по своим характеристикам. Словесное значение понятийно и «полисемично» (не обязательно многозначно), оно содержит несколько семантических признаков. Н. Д. Арутюнова указывает: «Предложение... моносемично и не выражает понятия, которое бы участвовало в процессе расчленения действительности носителями языка. Смысл предложения не закреплен языковым кодом» [6, с. 308]. Слово в системе языка обладает потенциальным значением, слово в речи (синтаксическое слово, член предложения) имеет потенциальный смысл.

В слове как языковом знаке проявляется единство языка и мышления. В предложении устанавливается, по словам Н. Д. Арутюновой, связь между миром и человеком [8, с. 378]. В отличие от слова предложение представляет собой не единый, а расчлененный, комбинированный знак события. Движение от слова к предложению — это процесс неизбежного разделения денотата и сигнификата. Глагол как потенциально предикативный знак также обладает этой особенностью предложения: в отличие от имени денотат и сигнификат в глаголе разделены.

Слово и предложение — единицы полифункциональные. Многослойность и негомогенность слова проявляется в том, что оно выступает по меньшей мере в трех разновидностях: как знак, как единица лексической и лексико-семантической систем и как элемент грамматического строя языка. Модусы существования слова — лексема, лексико-семантический вариант и словоупотребление в речи (тексте). «Структура слова, рассматриваемого с точки зрения соотношения означающего и означаемого, довольно проста, структура слова как элемента строя и семантической структуры языка — сложна» [23]. В силу знаковой природы слово стремится к сохранению единства сторон знака и устранению их асимметрии. Этому способствуют морфологическое опрощение, универбация, омонимическое расщепление многозначного слова.

В функциональном отношении слово отличается известной неопределенностью. В. В. Виноградов писал, что в системе языка слово есть только форма отношений между морфемами и предложениями, которые являются основными функциональными единицами речи [1, с. 15]. Двойственное положение слова дает некоторым лингвистам основание относить его — при нисходящем анализе от предложения к слову — к второстепенным уровням языка [24].

Еще большую сложность структуры и семантики обнаруживает предложение. «Сложный знаковый характер предложения и как единицы номинативной, и как единицы когнитивной и коммуникативной, делает его центром пересечения целого ряда денотативных, сигнификативных, семантико-синтаксических, коммуникативно-грамматических и структурных значений» [14, с. 9].

С точки зрения номинативного аспекта предложения эта единица предстает как сложный (полный) знак по отношению к простым (частичным) знакам — словам. Если в плане номинации предложение является высшей единицей, то по своей коммуникативной и когнитивной функции предложение оказывается минимальной синтаксической единицей — компонентом текста [14, с. 10]. В структуре предложения выявляются четыре слоя категорий: семантико-синтаксические (агентивность, процессуальность, адресат и др.), структурно-синтаксические (подчинение, сочинение), коммуникативно-грамматические (предикативность), категории актуального членения (тема, рема и т.п.) [14, с. 12]. Как единица языка предложение сводится к структурной схеме (модели, пропозициональной функции) [21, с. 355], как единица речи актуализованное предложение образует высказывание.

Функционирование слова и предложения/высказывания в коммуникации основано, очевидно, на принципе контрапункта. Текст строится таким образом, что тематические ведущие слова и ключевые предложения как бы поочередно дают «всплески» информации, вступая в отношения гармонии и контраста, взаимно усиливая или нейтрализуя друг друга. В рамках текста слово и предложение утрачивают автономность, передавая сообщению свой информационный потенциал и способствуя тем самым выполнению общего коммуникативного задания. Роль отдельных слов (словоформ) возрастает в высказываниях, не соответствующих структурным схемам предложения (например, в диалогических репликах, при парцелляции и т. п.).

В слове и предложении выделяются различные уровни языковой абстракции. Как показывает исследование семантики существительных, значения полисемантических слов в системе стремятся к сохранению одинакового уровня обобщения, реализация слов в тексте основана на принципе чередования различных уровней языковой абстракции [16, с. 76].

Суммируя изложенное, сопоставим обе единицы по некоторым важным параметрам: слово — единица номинации, закрепляет понятие, оно абстрактно, полисемично, ориентировано на единство «язык — мышление», имеет значение; предложение — единица коммуникации, выражает суждение, оно конкретно (отвлекаясь от высказываний с квантором всеобщности), моносемично, соединяет язык и действительность, имеет смысл.

При порождении высказывания переход от слова к предложению происходит поэтапно, интегральным способом. «Посредником» между ними является член предложения — категория, опосредствующая связь слова и предложения [25, с. 21]. Проекция указанной триады в функционально-семантическую область дает сочетание: номинация — формы слова (ЛСВ) — коммуникация. На эту общность со всей определенностью указывал В. В. Виноградов, связывавший переход от номинативной функции словесного знака к семантическим формам самого слова с коммуникативной функцией речи [1, с. 17].

Развитие теории номинации и теории коммуникации (вместе с лингвистикой текста) должно подкрепляться опосредствующим звеном — современной теорией семантической структуры слова и семантико-функциональной теорией полисемии [16, с. 8].

Необходимо отметить, что на смену аналитической концепции построения предложения приходит синтезирующий, интегральный подход, в соответствии с которым механизм языкового порождения нацелен прежде всего на порождение целых высказываний, а не на алгоритм простого сложения слов [26, с. 53].

Дифференциальная характеристика слова и предложения помогает обнаружить общие черты в их семантике и функциях. С этой целью используется понятие изоморфизма. В математике под изоморфизмом понимают соответствие (отношение) между объектами, выражающее тождество их структуры. Применительно к слову и предложению изоморфизм проявляется в наличии аналогичных признаков в их семантике, структуре и функциях, а также в аналогичных отношениях между элементами структуры. В логике такой корреляции слова и предложения соответствуют изоморфные отношения между понятием и суждением. Понятие — это свернутое суждение, суждение — определенное сочетание понятий.

Семантический изоморфизм (изосемантизм) слова и предложения подтверждается тем, что семантические трансформации наименования и в том, и в другом случае следуют единой для человеческого мышления логической классификации понятий [27].

В функциональном плане общим признаком слова и предложения является возможность их регулярных взаимопереходов. В грамматике слово рассматривается как предельный минимум предложения (Э. Сепир, Л. В. Щерба). Межуровневое взаимодействие языковых единиц подчиняется определенным закономерностям. При «восходящем» переходе языковая единица повышает свой функциональный ранг, приобретает функции, свойственные более высокому уровню (слово приравнивается функционально к предложению). При обратном движении «верхняя» единица уравнивается с нижестоящими в формально-структурном отношении (предложение получает цельнооформленность слова; превращаясь в морфему, слово теряет отдельность).

Положение об изменении функции или формы языковой единицы при «смене» уровня согласуется с тезисом Е. Куриловича о соотношении между первичными и вторичными формами и функциями [28]. Из этого следует, что такие, казалось бы, разноплановые явления, как взаимодействие лингвистических уровней, процессы прямой и косвенной номинации, соотносительность полисемии и синонимии, регулируются одним языковым механизмом. Как считает Э. Бенвенист, «отношение интеграции» (т. е. взаимные отношения между элементами разных уровней) построено по той же модели, что и пропозициональная функция Б. Рассела [17, с. 135].

Категория предикативности является, как известно, конституирующим признаком предложения. Потенциально, в виде коммуникативной предназначенности она присутствует также в слове. Еще Аристотель считал свои десять категорий, которые соответствовали частям речи современного ему греческого языка, потенциальными предикатами любого объекта [17, с. 106].

В языке существуют классы слов, которые обладают ярко выраженными предикативными признаками. Это прежде всего глаголы и прилагательные. Категории лица, наклонения и времени, включающие глагольное

слово в механизм актуализации, характеризуют предложение/высказывание в целом. Благодаря указанным категориям глагол (сравнительно с другими классами слов) стоит ближе всего к предложению. Среди существительных особое место занимают абстрактные имена (отглагольные и отадъективные). Словосочетания с этими именами, эквивалентные предложению (*satzwertige Wortgruppen*), служат, подобно предложению, знаком целой ситуации (*писатель получил премию — получение премии писателем*). В некоторых логических теориях предложения наречия, прилагательные и числительные, выступающие в функции обстоятельств, определений, квантификаторов, относятся ко всему высказыванию и рассматриваются как предикаты второй ступени (предикаты от предикатов) [29].

Если рассматривать предикацию как процесс отнесения содержания высказывания к действительности, а предикативность — как выражение языковыми средствами установленного отношения (т. е. как результат процесса и свойство предложения, его категорию), то эти понятия можно соотнести с мотивированностью языковой единицы. Мотивированность проявляется в приписывании (предипировании) какого-либо характерного признака данному предмету (понятию). Иначе говоря, мотивированность — это предикативность (предикация) в диахронии, ставшая фактом языковой системы. Очевидна также аналогия между такими явлениями, как актуализация слова (перевод слова из языка в речь) и предикативность как «поворот» предложения к действительности. Общим параметром слова и предложения (равно как и других языковых единиц) является понятие «инвариант — варианты» [25, с. 213].

Изосемантизм слова и предложения, как можно предполагать, в определенной степени компенсирует асимметрию формы и содержания единиц обоих уровней. Но если контекст — это синтагматическое средство снятия асимметрии, то изосемантизм слова и предложения следует отнести к парадигматическому аспекту лингвистического анализа.

Тезис об изоморфизме центральных единиц языка получает поддержку в современных направлениях лингвистических исследований. Коммуникативная лингвистика, разрабатываемая как теория высказывания и теория текста, исходит из того, что структура высказывания должна вскрывать весь механизм функционирования языка, в том числе и семантическую организацию слова [26, с. 52].

На основе корреляций между предложением и словом строится семиологическая грамматика. В контексте этой теории также доказывается глубокая аналогия между семантическим строением имени (отдельного слова) и семантическим строением предложения [21, с. 10].

Взаимное влияние теории слова и теории предложения проявляется в переносе понятий и категорий одного исследовательского объекта на другой, в своеобразном «круговороте терминов и идей» (Р. Якобсон). Перечислим основные понятия и подходы, заимствованные из теории слова и успешно применяемые в современных концепциях предложения (формула $C \rightarrow P$):

а) Семантическая структура предложения (смысл предложения) — это абстрактное языковое значение предложения, способ представления действительности в мышлении и языке («предмет мысли + признак», «деятель + действие + объект действия» и др.) [30]. Понятие семантической структуры предложения, возводимое к идее асимметричного дуализма знака, способствует раскрытию содержательной стороны единицы сообщения [31, с. 24]. Исследователь при этом отвлекается от синтаксической («поверхностной») структуры предложения и его коммуникативных свойств, сосредоточивая внимание на соотношении предложения и обозначаемой им ситуации, на пропозитивной номинации. По аналогии с содержательной стороной слова в семантике предложения различают денотат и сигнификат.

б) С точки зрения номинативного аспекта предложения, противопоставляемого его коммуникативному аспекту, предложение соотносится со словом (например, с названиями событий) и некоторыми типами слово-

«сочетаний». Семантическая структура предложения, взятого в номинативном аспекте, изоморфна структуре отражаемой им реальной ситуации [31, с. 26]. Компонентам смысловой структуры предложения приписываются функции, выполняемые «участниками» ситуации по отношению к действию, состоянию, свойству. Эти «участники» называются по-разному — актанты, партиципанты, семантические аргументы, «глубинные падежи». Число актантов не может быть установлено точно, оно варьируется в зависимости от степени дробности при членении логико-семантического континуума. Обращает на себя внимание следующая зависимость: количество актантов («семантических падежей») в разных концепциях каждый раз примерно удваивается: три (Л. Теньер) и четыре (А. Греймас), семь (Ч. Филлмор, В. Г. Гак, Т. П. Ломтев); тринадцать (В. Кюршнер) и четырнадцать (Т. Б. Алисова, В. В. Богданов) и, наконец, пятьдесят (Н. Н. Леонтьева) [31, с. 27].

с) Понятие «глубинного падежа» стало одним из основных в семантических теориях предложения благодаря разысканиям лингвистов, вскрывших логико-семантический характер грамматических падежей (А. Марти, Э. Кассирер, Л. Ельмслев, Р. Якобсон, О. Есперсен). Ч. Филлмор понимает «глубинный падеж» как обобщенное отношение между содержанием глагола и содержанием именной группы.

d) Понятие валентности переносится со слов на предложение (в особенности на различные типы придаточных). Связанные с валентностью явления автосемантии и синсемантии характеризуют не только смысловую структуру слова, но и семантику предложения в гипотаксисе [32].

е) Содержание традиционного термина «парадигма» вышло за рамки теории частей речи. Применительно к предложению парадигма понимается как многомерная система грамматических форм предложения, противопоставленных по цели высказывания, по утвердительности/отрицательности, по модальности [14, с. 8].

f) Интегральный подход к порождению речи делает возможным перенос понятия «внутренней формы», традиционно связанного со словом и природой языка, на предложение-высказывание [33]. В отличие от слова высказывание обладает явной и подвижной внутренней формой, основанной не на одном (как у слова), а на ряде признаков, отражающих элементы ситуации и отношения между ними.

g) Семантические категории лексики (полисемия/омонимия, синонимия, антонимия и др.) транспонируются в современных исследованиях и в область фразеологии [34], и в сферу грамматики, включая теорию предложения [35]. Полисемия слова и полифункциональность синтаксической конструкции приводят к многозначности высказывания. Эти характеристики слова и высказывания учитываются в современных концепциях (художественного) текста, которые исходят из множественности смысла текста при его восприятии и интерпретации.

h) Парадигматические и синтагматические отношения, свойственные слову и другим языковым единицам, экстраполируются на предложение как элемент текста и на сам текст. Парадигматика художественного текста, лежащая за его пределами, представляет особые трудности при анализе [36].

i) Идея семантического треугольника, отражающего соотношение слова, понятия (значения) и действительности, сохраняет свою объяснительную силу и для теории предложения. В этом случае «углы» занимают три величины: форма (синтаксическая структура) предложения, его смысл (семантическая структура) и стоящая за предложением ситуация.

Еще одно направление взаимодействия двух разделов лингвистической теории — от предложения к слову (формула $\Pi \rightarrow C$). Параллельно с разработкой проблем номинативного аспекта предложения идет процесс углубленного познания коммуникативной природы слова и его значения, изучается прагматическая предназначенность основной номинативной единицы. Как отмечает в этой связи Н. Д. Арутюнова, значение слов более, чем какая-либо другая категория языка, функционально обусловлено [37].

В лексической семантике и словообразовании успешно применяются понятия и методы коммуникативно-синтаксического плана (модальность, оценочность, «глубинные падежи», ролевые функции, теория графов, грамматика зависимостей и др.).

Анализ коммуникативного аспекта слова показывает, что элементы семантической микросистемы слова (прежде всего многозначного) и отношения между ними отражают структуру и компоненты высказывания. Этот аспект семантического взаимодействия предложения и слова должен стать предметом специального исследования [16].

Семантический изоморфизм слова и предложения проявляется в том, что в этих единицах воплощаются наиболее обобщенные речемыслительные (логико-семантические, понятийные) категории. Остановимся подробнее на этом вопросе. Выявлением данных категорий занимались О. Есперсен, Ф. Брюно, И. И. Мещанинов, С. Д. Кацнельсон, Б. А. Серебренников и другие лингвисты. Эти категории играют посредствующую роль между языком и мышлением [17, с. 106] и помогают раскрыть диалектику универсального, общего (в мышлении, логике) и отдельного, особенного (в конкретном языке). По мнению О. Есперсена, понятийные категории обращены и к действительности, и к языку. Нельзя, однако, согласиться с датским ученым, когда он приписывает этим понятиям внеязыковой характер.

Понятийные категории — это логические, мыслительные формы отражения и постижения действительности, выраженные языковыми средствами. Сходными по объему и содержанию являются термины: «функционально-семантические категории» (А. В. Бондарко), «ономасиологические категории» (М. Докулил, Е. С. Кубрякова), семантические оси (У. Чейф), а также «семантико-синтаксические категории» (О. И. Москальская), «глубинные (семантические) падежи» (Ч. Филлмор). Содержательное разграничение указанных терминов — специальная задача.

В широком смысле понятийные категории универсальны и формируются для того, чтобы показать различия в передаче определенных понятий в разных языках. В более узком смысле, оставаясь в рамках одного языка, они показывают разные средства выражения того или иного понятия в конкретном языке, например, функционально-семантические категории, грамматико-лексические поля (Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс). К выделению понятийных категорий ведут два подхода: дедуктивно-ономасиологический (ср. идеографическую систематизацию Р. Халлига — В. Вартбурга) и индуктивно-семасиологический. Более целесообразно, как считает Б. А. Серебренников, выводить понятийные категории не из логических понятий, а из материала конкретных языков и из опыта. Индуктивным является редукционный метод выделения речемыслительных категорий путем сведения многообразия языковых явлений (вариантов) к ограниченному числу абстрактных сущностей (инвариантов) [38].

Индуктивным путем, с помощью логико-семантического анализа четырехсот многозначных существительных немецкого языка, нами выявлен ограниченный набор семантических параметров-классификаторов (около сорока наиболее частотных: лицо, действие, результат, предмет, свойство, состояние, причина и др.). «Пучки» семем многозначных слов представляют собой комбинации классификаторов, которые могут быть сведены к ограниченному числу формул (моделей) регулярной полисемии. Среди классификаторов находим прежде всего частотные семантические падежи: агентив, результатив, инструментатив, темпоратив, локатив и др. В данном фрагменте лексико-семантической системы немецкого языка наиболее частотными оказались наборы семем, которые отражают семантические отношения: действие — результат, действие — место, действие 1 — действие 2, действие — совокупность, действие — инструмент, лицо 1 — лицо 2 (в широком и узком значении), действие — время, часть — целое и др.

Установлено, что среди субстантивных полисемантов со средним уровнем полисемии количественно преобладают абстрактные отглагольные существительные. Эти имена сочетаются с определенным набором семанти-

ческих падежей (пропозитивных значений) в синтагматике, «по горизонтали» и обнаруживают сходный набор семем в парадигматике, «по вертикали». В этом нельзя не видеть проявления семантического изоморфизма предложения и слова. Отметим, что еще М. М. Покровский установил закономерность семантического развития имен действия [39].

Философская категория объективного и субъективного получает в языке особое преломление. Синтаксис может рассматриваться как «субъективная» грамматика предложений, противопоставляемая «объективной» грамматике слов [6, с. 226]. Между предложением и словом возможна следующая параллель. Предложению свойственна объективная и субъективная модальность. По аналогичному признаку разграничиваются идентифицирующие слова (они объективны как имена вещей) и предикатная лексика, для которой в большей степени характерна субъективность. Коннотативно-стилистический аспект значения слова рассматривается иногда как его «лексическая модальность», которая вместе с понятийной и предметной отнесенностью слова образует его лексическое значение.

Основные виды синтаксической связи, реализуемые в предложении и словосочетании, — подчинение и сочинение — находят соответствие в лексике и семантической структуре слова. Все многообразие отношений в лексике (внутри лексем и между лексемами) может быть сведено к двум основным типам — это включение (гипонимические отношения) в парадигматике и семантическое согласование в синтагматике. В семантической микросистеме многозначных слов чаще представлены иерархические отношения подчинения при радиальной полисемии (производные ЛСВ подчинены прямому номинативному значению). В многозначных словах, стоящих на грани омонимии, имеется два или несколько центров семантической производности (аналог сочинительной связи). При характерной для многих слов радиально-цепочечной полисемии микросистема слов представляет собой сложное переплетение различных видов межсемемных отношений.

По аналогии с синтаксическими трансформациями производно-переносные значения слова-полисеманта можно рассматривать как «семантические трансформы» (Д. Н. Шмелев) прямого номинативного значения. Прямое значение является своеобразной «пресуппозицией» при осмыслении производных значений слова.

Подобно тому как при актуальном членении предложения различают тему — рему (данное — новое), так и в микросистеме слова при наличии новых значений (ЛСВ-неологизмов) можно выделить эти два компонента. Реализуясь в высказывании, новые значения сопровождаются эмфатическим ударением и обладают «эффектом новизны», например, *озадачить кого-л.*, «дать кому-л. задание, поручить кому-л. сделать что-л.» или в каламбуре *Езда в авто-машине стала обременительной* (т. е. необходимо пристегивать ремни). Связь лексики с актуальным членением высказывания проявляется также в том, что отглагольные и отадективные существительные (часто с развитой полисемией) выступают в тексте как способ тематизации ремы, ее перевода в сферу данного, известного.

Влияние теории предложения сказывается в области категориальной семантики (анализ семантической структуры глагола как отражение его валентных связей, установление соответствий между типами ситуаций и классами глаголов), а также в теории словообразования (представление словообразовательной модели как результата конденсации синтаксических отношений).

Интонация как важнейший признак высказывания, как компонент его плана содержания используется при анализе семантической структуры многозначного слова. Установлено, что производно-переносные значения различаются не только контекстом, но и — при определенных условиях — интонационным рисунком [40].

Встречное движение теории слова и теории предложения, их взаимное обогащение новыми идеями и концепциями плодотворно для науки о языке в целом. Лингвистические концепции, согласно которым действитель-

ная жизнь слова совершается в речи (А. А. Потебня) и язык — это анатомия предложения (В. А. Звегинцев), дополняют друг друга.

Дифференциация и интеграция знания — объективные тенденции развития науки. Риторический вопрос Г. А. Золотовой, «не увлекаемся ли мы дифференцирующим подходом к изучаемому объекту в ущерб интегрирующему, не переусложняем ли мы свои представления о нем, видя противоборство формы и содержания и недооценивая их гармонию» [15, с. 61], звучит как призыв к соблюдению равновесия этих двух тенденций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
2. Солнцев В. М. Типология и тип языка. — ВЯ, 1978, № 2, с. 41.
3. Аракин В. Д. Об основных типологических единицах языка. — В кн.: Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965, с. 290.
4. Пелевина Н. Ф. Теория значения и опыт построения семантических полей (значения света и цвета). — Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1971, с. 8.
5. Вережагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
6. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
7. Филин Ф. П. О некоторых философских вопросах языкознания. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
8. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
9. Золотова Г. А. Очерки функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 17.
10. Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 461.
11. Уфимцева А. А. Семантический аспект языковых знаков. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 41.
12. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974, с. 203.
13. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языка. М., 1977, с. 255.
14. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981.
15. Золотова Г. А. К типологии простого предложения. — ВЯ, 1978, № 3.
16. Ольшанский И. Г. Полисемия существительных в языке и тексте. М., 1982.
17. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
18. Якобсон Р. Итоги девятого конгресса лингвистов. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965, с. 586.
19. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974, с. 6.
20. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958, с. 33, 46.
21. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981.
22. Kühn P. Der Grundwortschatz. Bestimmung und Systematisierung. Tübingen, 1979.
23. Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 10.
24. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976, с. 88.
25. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. 2-е изд. М., 1977.
26. Колишанский Г. В. Проблемы коммуникативной лингвистики. — ВЯ, 1979, № 6.
27. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. — В кн.: Семантическая структура слова. М., 1977, с. 83.
28. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 250.
29. Москальская О. И. Вопросы синтаксической семантики. — ВЯ, 1977, № 2, с. 50.
30. Москальская О. И. Семантическая структура предложения. — В кн.: Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 282.
31. Распопов И. П. О так называемой семантической структуре предложения. — ВЯ, 1981, № 4.
32. Гулыга Е. В. Автосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова. — ФН, 1967, № 2.
33. Гак В. Г. Высказывание и ситуация. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973, с. 371.
34. Stepanova M. D., Černyševa I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. М., 1975, S. 226.
35. Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970.
36. Лескис Г. А. Синтагматика и парадигматика художественного текста. — ИАН СЛЯ, 1982, № 5, с. 440.
37. Арутюнова Н. Д. Референция имени и структура предложения. — ВЯ, 1976, № 2, с. 35.
38. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 17.
39. Покровский М. М. Несколько вопросов в области семасиологии. — Филологическое обозрение. Т. XII. Кн. 1. М., 1897, с. 64.
40. Minaeva L. The semasiological analysis of a word in terms of lexicological phonetics. — In: Abstracts of section papers and working groups. The XIII-th International Congress of linguists. Tokyo, 1982.